

*If It
Bleeds*

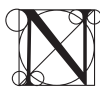

**СТИВЕН
КИНГ**

Stephen King

КИНГ

**БУДЕТ
КРОВЬ**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84 (7Coe)-44
К41

Серия «Кинг: книжная полка»

Stephen King
IF IT BLEEDS

Перевод с английского

Художник *А. Фerez*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
The Lotts Agency и Andrew Nurnberg.

Кинг, Стивен.

К41 Будет кровь : [сборник : перевод с английского] / Стивен Кинг. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 448 с. — (Кинг: книжная полка).

ISBN 978-5-17-163172-7

В заглавной повести «Будет кровь» полюбившаяся многим героиня «Чужака» и трилогии «Мистер Мерседес» Холли Гибни после ужасного взрыва в школе понимает, что в мире существуют и другие монстры, подобные чужаку, но на этот раз ей предстоит встретиться со Злом один на один.

«Телефон мистера Харригана» — трогательная история дружбы мальчика и пожилого миллионера.

В повести «Жизнь Чака» Мастер размышляет о значимости человеческой жизни.

Финальная новелла «Крыса» повествует о сделке, заключенной между писателем и весьма необычным существом.

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84 (7Coe)-44

© Stephen King, 2020

© Издание на русском языке AST Publishers, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Телефон мистера Харригана. <i>Перевод Т. Покидаевой</i>	9
Жизнь Чака. <i>Перевод Т. Покидаевой</i>	105
Будет кровь. <i>Перевод В. Вебера</i>	169
Крыса. <i>Перевод Т. Покидаевой</i>	353
От автора. <i>Перевод Т. Покидаевой</i>	444

Памяти Расса Дорра
Мне тебя не хватает, шеф

ТЕЛЕФОН
МИСТЕРА ХАРРИГАНА

Городок, где я родился и вырос, был по сути большой деревней с населением примерно в шестьсот человек (и таким и остался, просто я оттуда уехал), но у нас был Интернет, как в больших городах, и мы с папой получали все меньше и меньше бумажной почты. Обычно наш почтальон, мистер Недью, приносил только еженедельный «Тайм», рекламные листовки с обращением «Жильцу» или «Нашим милым соседям» и ежемесячные счета. Но начиная с 2004 года, когда мне исполнилось девять и я начал работать на мистера Харригана в доме на холме, я мог рассчитывать как минимум на четыре конверта в год, подписанных от руки и адресованных лично мне. Четыре открытки: на День святого Валентина в феврале, на мой день рождения в сентябре, на День благодарения в ноябре и на Рождество в декабре, либо перед самым праздником, либо сразу после. В каждую открытку был вложен долларовый билет моментальной лотереи штата Мэн, и подпись всегда была одной и той же: *С наилучшими пожеланиями от мистера Харригана*. Вот так незатейливо и официально.

Реакция папы тоже всегда оставалась одной и той же: он добродушно смеялся, закатив глаза.

— Какой же он жмот, — сказал папа однажды. Мне тогда было одиннадцать лет, и открытки с лотерейными билетами приходили уже года два. — Платит тебе за работу гроши, а премиальные выдает билетами «Везунчика», которые в «Хоуи» раздают бесплатно в придачу к покупке.

Я ответил, что хотя бы один из четырех ежегодных билетов обычно выигрывал пару долларов. Когда это случалось, выигрыш

за меня забирал папа, потому что несовершеннолетним не разрешалось играть в лотерею, пусть даже билеты иногда раздавали бесплатно. Однажды мне повезло по-крупному, и я выиграл целых пять долларов. Я попросил папу купить на них пять лотерейных билетов по доллару. Он отказался, заявив, что не станет потакать моей тяге к азартным играм, иначе мама перевернется в могиле.

— Хватит нам и того, что это делает мистер Харриган, — сказал он. — К тому же он мог бы платить тебе по *семь* долларов в час. А то и все восемь. Уж он-то может себе это позволить. Пять долларов в час — это, может, и законно, поскольку ты еще ребенок, но смахивает на эксплуатацию детского труда.

— Мне нравится у него работать, — возразил я. — И *он сам* мне нравится, пап.

— Это понятно, — ответил папа. — И хотя то, что ты читаешь ему книжки вслух и поливаешь цветы на клумбах, не делает тебя Оливером Твистом двадцать первого века, но он все равно жмот, каких поискать. Меня удивляет, что он тратится на марки, чтобы отправлять открытки по почте, хотя живет в четверти мили от нас.

Мы сидели на нашей открытой веранде и пили «Спрайт». Папа показал пальцем на дорогу (грунтовку, как большинство улиц в Харлоу), ведущую на вершину холма, к дому мистера Харригана. Это был даже не дом, а настоящий особняк, с закрытым бассейном, зимним садом, стеклянным лифтом, на котором я *обожал* ездить вверх-вниз, и теплицей на заднем дворе, разбитой в том месте, где раньше располагалась маслобойня (я тогда еще даже и не родился, но папа ее помнил).

— Ты же знаешь, какой у него артрит, — сказал я. — Теперь он иногда ходит не с одной палочкой, а с двумя. Прогулка в четверть мили его убьет.

— Ты все равно к нему ходишь почти каждый день. Он мог бы вручать тебе эти дурацкие открытки лично в руки, — проворчал папа. В его словах не было злобы; он просто дразнил меня. Они с мистером Харриганом прекрасно ладили. Папа ладил со всеми в Харлоу. Наверное, поэтому он и был таким хорошим торговым агентом.

— Это будет уже не то, — сказал я.

— Почему?

Я не мог объяснить. У меня был обширный словарный запас (благодаря тому, что я много читал), но скудный жизненный опыт. Мне просто нравилось получать эти открытки по почте, ждать их с нетерпением, стирать защитный слой с лотерейных билетов — я всегда соскребал его моей «счастливой монеткой» в десять центов. Мне нравилась подпись, нравился старомодный витиеватый почерк: *С наилучшими пожеланиями от мистера Харригана*. Теперь, уже задним числом, мне на ум приходит слово «церемонный». В его поведении действительно было что-то церемонное. Он непременно повязывал тонкий черный галстук, когда мы с ним ездили в «Ай-Джи-Эй» за продуктами, хотя он обычно сидел в машине, за рулем своего старого, практичного «форда», и читал «Файнэншл таймс», пока я ходил в магазин, чтобы купить все по списку. В этом списке неизменно присутствовали хэш из солонины и дюжина яиц. Мистер Харриган утверждал, что, достигнув определенного возраста, человек вполне может прожить только на яйцах и солонине. Когда я спросил, какого именно возраста, он ответил: шестидесяти восьми лет.

— Когда человеку исполняется шестьдесят восемь, ему уже не нужны витамины.

— Правда?

— Нет. Я говорю это лишь для того, чтобы оправдать свои дурные привычки в еде. Ты же вроде заказывал спутниковый радиоприемник для этой машины, Крейг?

— Да.

Я заказал этот приемник из дома, с папиного компьютера, потому что у мистера Харригана компьютера не было.

— Ну, и где же прием? Я каждый раз попадаю на этого пусто-звона Лимбо.

Я показал ему, как переключиться на спутниковый диапазон. Он вертел ручку настройки, «пролистав» сотню каналов, пока не нашел станцию, специализирующуюся на кантри. Там играла песня «Stand By Your Man».

От этой песни меня до сих пор пробирает дрожь, и, наверное, так будет всегда.

* * *

В тот день, на одиннадцатом году моей жизни, когда мы с папой сидели у нас на веранде, пили «Спрайт» и смотрели на большой дом на холме (все жители Харлоу именно так его и называли; а иногда еще, в шутку, казенным домом, словно это была тюрьма Шоушенк), я сказал:

— «Черепашья» почта — это круто.

Папа закатил глаза.

— *Электронная почта*, вот что действительно круто. И мобильные телефоны. Мне они кажутся чудом. Ты молодой, не поймешь. Если бы ты вырос со спаренным телефоном на пять домов — включая дом миссис Эдельсон, которая болтала часами, — ты бы почувствовал разницу.

— Пап, а когда мы купим мне мобильный телефон?

Этот вопрос в последний год я задавал ему постоянно, особенно после того, как в продажу поступили первые айфоны.

— Когда я решу, что ты уже достаточно взрослый.

Теперь уже я закатил глаза, и папа рассмеялся. Но потом вдруг посерьезнел.

— Ты вообще представляешь, насколько богат Джон Харриган?

Я пожал плечами.

— Я знаю, что раньше он владел какими-то заводами.

— Не только заводами. Пока Джон Харриган не ушел на покой, он был большой шишкой в концерне «Оук энтерпрайз». Концерну принадлежала судоходная линия, несколько крупных торговых центров, сеть кинотеатров, телекоммуникационная компания и еще много всего. Среди игроков «большого табло» «Оук энтерпрайз» был одним из крупнейших.

— Что такое «большое табло»?

— Фондовая биржа. Азартные игры богатых людей. Когда Харриган продал свои активы, об этой сделке писали в «Нью-Йорк таймс», и не просто в бизнес-разделе, а на первой странице. Этот дедуля, который ездит на шестилетнем «форде», живет в нашей дремучей глуши, платит тебе пять долларов в час и четырежды в год дарит по лотерейному билету ценой в один доллар, сидит на денежном мешке, а в мешке уж точно не меньше миллиарда долларов. — Папа улыбнулся. — И мой самый страшный костюм,

который наверняка ужаснул бы твою маму, будь она жива... Так вот, даже это убожество лучше, чем тот костюм, который он носит в церковь.

Это была интересная информация. Особенно меня поразила мысль, что мистер Харриган, у которого нет ни компьютера, ни телевизора, когда-то владел телекоммуникационной компанией и сетью кинотеатров. Я мог бы поклясться, что он ни разу в жизни не был в кинотеатре. Он был из тех, кого мой отец называл луддитами, имея в виду людей, которые (помимо прочего) не признают современные гаджеты. Спутниковое радио для машины было единственным исключением, потому что мистер Харриган любил музыку кантри и его бесила реклама на Дабл-ю-оу-экс-оу, единственной радиостанции кантри и вестерна, которую ловил его старый приемник.

— Ты знаешь, что такое миллиард, Крейг?

— Сто миллионов?

— Бери выше. *Тысяча* миллионов.

— Ого! — сказал я, но лишь потому, что тут просилось «ого». Я мог представить себе пять баксов и даже пятьсот: именно столько стоил подержанный мотороллер на распродаже на Дип-Кат-роуд, о котором я грезил в мечтах (ведь мечтать не вредно). Теоретически я мог представить себе пять тысяч долларов. Примерно столько мой папа получал в месяц как торговый агент фирмы «Пармело: трактора и тяжелая техника» в Гейтс-Фоллзе. Папина фотография постоянно висела на доске почета в рубрике «Лучший менеджер по продажам за прошлый месяц». Он говорил, что это ерунда, но я знал: ему приятно. Каждый раз, когда его объявляли лучшим торговым агентом месяца, мы с ним ужинали в «Марселе», дорогом ресторане французской кухни в Касл-Роке.

— «Ого» — это верно замечено, — сказал папа и поднял стакан со «Спрайтом», салютуя дому на холме, дому с множеством комнат, большинство из которых практически не использовались, и стеклянным лифтом, который мистер Харриган ненавидел, но которым был вынужден пользоваться из-за артрита и ишиаса. — Чертовски верно.